

Б.В. Соколов

БАРОН УНГЕРН И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

• **ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА** •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Борис Соколов

**Барон Унгерн и Гражданская
война на Востоке**

«ВЕЧЕ»

2022

Соколов Б. В.

Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке / Б. В. Соколов — «ВЕЧЕ», 2022 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-8755-2

Барон фон Унгерн-Штернберг — одна из самых противоречивых фигур в списке знаменитых военачальников времен Гражданской войны в России. Удачливый полководец, заслуживший прозвище «бог войны» у суверенных монголов, европеец, разочаровавшийся в своих соплеменниках, кровавый палач, не щадивший ни женщин, ни стариков, — все это сочетает в себе один человек, личность которого окутана ореолом мистики и зловещих пророчеств. В книге Бориса Соколова раскрываются некоторые подробности биографии барона Унгерна, а также описываются события, предшествовавшие его разгрому и пленению. Книга ориентирована на широкий круг читателей и будет интересна всем любителям военной истории.

ISBN 978-5-4484-8755-2

© Соколов Б. В., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Предисловие	7
Детство и юность	14
В первый раз в Монголии	18
Унгерн в Первой Мировой войне: Герой и забияка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Борис Соколов

Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке

© Соколов Б. В., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Б.В. Соколов

**БАРОН УНГЕРН
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
НА ВОСТОКЕ**

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Москва
«Вече»

Предисловие

Имя барона Романа Федоровича Унгерна фон Штернберга, одного из последних вождей Белого движения на Востоке России, вызывает мрачные ассоциации. Он вошел в историю прежде всего как освободитель Внешней Монголии от китайского гнета. Но, кроме того, барон был известен как один из самых жестоких белых военачальников российской Гражданской войны. Можно сказать, что каждая эпоха создает своего Унгерна. Для одних барон и генерал-лейтенант Роман Федорович Унгерн-Штернберг – рыцарь-герой, освободивший Монголию от китайских оккупантов, храбро сражавшийся с большевиками и не побоявшийся открыто поднять знамя восстановления монархии, причем не только в России, но и по всему миру, и с этим знаменем вторгнуться на советскую территорию. Для своих почитателей Унгерн – первый творец евразийской идеи, автор дерзкого проекта возрождения средневековой империи Чингисхана. Неудачу реализации его грандиозного проекта приписывают предательству подчиненных, не оценивших глубины замысла своего вождя. Из-за этого предательства барон был схвачен красными и расстрелян, а все его предприятие, естественно, пошло прахом. Апологеты Унгерна также свято верят, что их кумир был прекрасно образованным человеком, глубоко изучил восточные языки и культуры, был хорошо осведомлен в истории и культуре Монголии и в буддизме и даже создал оригинальное учение, соединив монархическую идею с буддистским учением и тезисом о грядущем господстве желтой расы. Унгерна также числят великим полководцем, сродни тому же Чингисхану, Фридриху Великому и Наполеону, и приписывают ему знакомство с трудами военных теоретиков и полководцев Запада и Востока.

Но есть и другая традиция оценки личности Унгерна, для представителей которой свойственны такие характеристики, как «черный барон», «кровавый барон» и «сумасшедший барон». Что характерно, в этих оценках объединились как большевики, так и представители той части белой эмиграции, которая не поддерживала монархическую идею, а ориентировалась на западные либеральные ценности. Большевики считали, что барон был рыцарем, но отнюдь не в благородном смысле этого слова. Он был рыцарем-кондотьером, для которого главным было воевать, будучи чьим-то наемником. Советская пропаганда, а вслед за ней и историография утверждала, что барона наняли японцы. Что ж, своя логика тут была: китайцы, которых Унгерн бил, уж точно не могли его нанять, а у монголов для этого бы вряд ли достало средств. Значит, остаются японцы.

Противники Унгерна в рядах белых также подчеркивали его приверженность идеям войны и насилия как таковым. Они неизменно указывали на его чудовищные по жестокости казни, на откровенный грабеж богатых и в Забайкалье, и в Урге. Террор, который так страстно осуществлял Унгерн, скорее восстанавливал население против белых, а по своим методам барон не отличался от большевиков. Когда один из самых непримиримых оппонентов барона Б. Н. Волков назвал его новой реинкарнацией бога войны, он имел в виду то, что война для барона стала альфой и омегой бытия, главным жизненным принципом, основой его нехитрой философии, и средством, и целью. Кстати, барона Унгерна буддисты нередко считали и считают реинкарнацией Чингисхана, который должен дать монголам освобождение и вернуть былую славу. К тому же у Романа Федоровича были голубые глаза и рыжая борода, как у Чингисхана. Позднее, в 30-е годы, Унгерна стали сравнивать с Гитлером, подчеркивая совпадение программ по трем линиям: нелюбовь к богатым, ненависть к евреям и возведение во главу угла расового принципа.

Многие также подозревали барона в сумасшествии, что, очевидно, является преувеличением. Но вот в том, что Роману Федоровичу, особенно во хмелю, была свойственна сильная психическая неуравновешенность, выразившаяся в немотивированных вспышках ярости и побоях, сходятся практически все.

Фридрих Горенштейн, советский драматург, эмигрировавший в Германию, автор сценария фильма «Раба любви», написал об Унгерне роман «Под знаком тибетской свастики» и на основе его – киносценарий, которым в свое время интересовался Ларс фон Триер.

Горенштейн так отзывался о бароне: «Некоторые считают его маньяком. Я с этим не согласен, хотя, безусловно, он человек параноического склада. Это, безусловно, новый тип, тип лишь нарождающегося времени, и этим он отличается от патриархальных тиранов, даже кровавых. Это творец тотальных мифов или утопий. Отсюда и безумная энергия, которой обладают лица с навязчивыми идеями. Во всяком случае, невзирая на жестокость, трагическая попытка барона в одиночку бросить вызов большевикам здесь, на границе Монголии, делает его героем. Конечно, демоническим героем». Нельзя не признать, что в этом отзыве есть зерно истины в понимании личности и дний Унгерна.

Антиунгерновцы, хотя и называли Унгерна богом войны (то же самое, впрочем, делали и его апологеты), но решительно отказывали барону в военном таланте, считая все успехи его в Монголии и Забайкалье следствием дельных советов и руководства со стороны бывших колчаковских офицеров. Крупнейшее же поражение Азиатской дивизии под Троицкосавском приписывалось всецело грубым ошибкам Унгерна.

Оставляя пока в стороне конкретные сражения, разбор которых впереди, уже сейчас стоит подчеркнуть, что сомнения в полководческих способностях, равно как и в его эрудиции и политических и философских талантах барона, имеют под собой серьезные основания. Достаточно взять печально знаменитый приказ № 15, выражающий военное и политическое кредо Унгерна. Казалось бы, раз ты такой великий полководец и философ, тебе и карты в руки: пиши, выдумывай, пробуй. Ан нет, на допросе у красных Роман Федорович честно показал, что приказ, согласно его указаниям, писали полковник Константин Иванович Ивановский (военную часть) и петербургский журналист, поляк по национальности, да еще к тому же близкий к кадетам, Фердинанд Оссендовский. Это подтвердил в своих мемуарах Оссендовский (Ивановский мемуаров не оставил), а также и все другие мемуаристы, имевшие хоть какое-то касательство к штабу Унгерна. Согласимся, достаточно сложно представить Наполеона, поручающего писать какой-нибудь из своих призванных войти в историю приказов, определяющий судьбу сражения или кампании, своему начальнику штаба или секретарю.

Слов нет, Унгерн что-то читал и по сравнению со средним казачьим офицером должен был считаться хорошо начитанным, что отмечало и начальство в своих аттестациях и некоторые из беседовавших с ним, тот же Оссендовский. Но для выработки оригинальных и глубоких идей что в военной, что в политической, что в философской сфере его познаний и талантов явно не хватало.

Вообще, из всего того, что сегодня известно об Унгерне, складывается впечатление, что для барона главным было даже не воевать, а повелевать. Война для него была только способом расширения его личной власти, высшей формой власти над людьми, а ее высшим проявлением – изощренные казни и собственноручные избиения палками подчиненных, не исключая старших офицеров, включая даже единственного друга генерала Бориса Петровича Резухина. Если что и перенял от выдающихся полководцев прошлого Роман Федорович, так это «палочную дисциплину» Фридриха Великого. Но в XX веке она способна была принести один только вред, и даже в германской армии давно уже не применялась. Как раз вот эти избиения как простых казаков и старших офицеров и даже монгольских князей вызвали в конце концов почти всеобщую ненависть к барону как личного состава Азиатской дивизии, так и служивших ему монгол, и стали одной из причин сложившегося заговора против него. Другие белые генералы все-таки своих офицеров палками не били, хотя крестьян, как водится, пороли, «для порядка», чем вызывали только дополнительную ненависть населения. Красные расстреливали гораздо больше белых, в том числе расстреливали и крестьян, но, в отличие от своих противников, заложников почти никогда не вешали и никогда не пороли, дабы не будить у народа памяти о

барских временах, когда крепостных секли на конюшне, и о совсем недавних «столыпинских галстуках». Виселицы и порка только укрепляли ненависть к белым, в которых видели представителей прежней царской власти и помещиков. Главное же значение Унгерна, как кажется, заключалось в качествах не полководца, а вождя. Его личность обладала сильной харизмой, он мог увлечь за собой людей, даже не разделявших его взгляды (а их вообще мало кто из подчиненных разделял), побудить их совершать деяния, на которые они в другой обстановке никогда не решились. И это необычное, почти гипнотическое влияние барона на собеседников, отмечали все общавшиеся с ним, в том числе и настроенные к нему явно недружественно.

Благодаря сильной воле и умению завораживать окружающих своими идеями, Унгерну удавалось то, что казалось абсолютно невозможным: с восемью сотнями всадников изгнать из Монголии в 15–20 раз более сильную китайскую армию и восстановить монгольскую независимость. Однако об этой заслуге «черного барона» перед монгольским народом обычно предпочитают не вспоминать, акцентируя внимание на его идее восстановления Срединной монархии в границах империи Чингисхана, призванной стать воплощением евразийской идеи, и ненависти к большевикам и евреям. Действительно, Унгерн, начиная свой поход на Ургу, отнюдь не преследовал цели создания независимого монгольского государства. Он рассматривал восстановление светской власти Богдо-гегена, духовного владыки всех монгол лишь в качестве первого шага к реставрации маньчжурской династии Цин в Китае. А китайская монархия, в свою очередь, по замыслу Унгерна, должна была способствовать возвращению российского престола дому Романовых. В отличие от европоцентричной точки зрения барон призывал европейцев учиться у молодой «желтой расы» покорности духовным и светским владыкам, фанатичной преданности религиозным идеям, бессеребренничеству и сознательному отказу от материальных благ. Унгерн не обращал внимания на то, что последнее было вызвано вполне объективными обстоятельствами: ужасающей нищетой, в которой пребывало подавляющее большинство Азии в целом и Монголии в частности. По этому поводу Эдуард Лимонов справедливо заметил: «Как Константин Леонтьев верил в неспорченность, примитивную простоту турок и ставил турецкий мир куда выше европейского, так Унгерн верил в святую неспорченность азиатских племен, хотел объединить их и повести на Запад, сперва на Москву, для спасения Российской короны, потом далее на Запад». Унгерн хотел подчинить не только Россию, но и весь западный мир азиатскому идеалу соединения в лице властителя-монарха духовной и светской власти, но сам ни одной азиатской религии глубоко не знал, хотя и декларировал свою приверженность буддизму ламаистского толка в бытность свою в Монголии.

Справедливости ради надо отметить, что ряд авторов относится к идеологии Унгерна с немалой долей иронии, полагая, что сам барон не слишком серьезно относился к тому, что проповедовал устно и письменно. Так, историк Василий Цветков пишет: «Рискну предположить: Роман Федорович – прекрасный актер, искренне, убежденно игравший роль «непобедимого белого князя», несущего прагматичной Европе некий «свет с Востока». Его поведение во многом диктовалось обстановкой, в которой приходилось действовать ему и его подчиненным. Ради достижения поставленной цели он готов был жертвовать многим. Роль «бога войны» была не лишней, но без нее могли обойтись. Антисоветской Монголии он был нужен как начальник реальной военной силы, а не как «небесный воин». Добавлю, что монгольским националистам он был нужен только как военачальник, сумевший изгнать из Монголии китайцев. На этом его роль была сыграна, и более никакого интереса для монголов он не представлял. Им ведь предстояло еще договариваться о своей независимости с двумя гигантами у монгольских границ – Россией и Китаем, а Унгерн с его Азиатской дивизией в таких переговорах мог быть только досадной помехой.

Всплеск популярности евразийских идей в России вызвал новую волну интереса к Унгерну. Знаковым событием стал выход в 1993 году художественно-документальной книги Леонида Юзефовича «Самодержец пустыни», не свободной от фактических ошибок, но впер-

вые познакомившей широкую публику с более-менее реалистическим и отнюдь не апологетическим портретом Унгерна, основанном прежде всего на материалах его допросов красными и эмигрантских мемуарах. Хотя кое в чем Юзефович своего героя и идеализировал, преувеличивая, в частности, его полководческие качества. Три года спустя Унгерн оказался запечатлен в романе популярного писателя Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота». Восходящий к нему герой прозрачно именуется бароном Юнгерном фон Штернбергом (имя пародирует Карла Густава Юнга, отца одного из направлений психоанализа, чьим поклонником Пелевин является). Юнгерн в романе – не враг, а друг Чапаева, такого же блестящего мистика и тонкого знатока восточных религий. Барон у Пелевина «ехал на лошади, в красном халате с золотым крестом на груди, и никого не боялся». Пожалуй, это очень точная характеристика настоящего Унгерна. Юнгерн же в потустороннем мире вместо Азиатской дивизии командует Особым Полком Тибетских Казаков. Он ответственен за тот филиал загробного мира, куда попадают воины. Но воины эти оказываются больше из современных российских братков, которые бы, наверное, чувствовали бы себя среди своих в рядах Азиатской дивизии. Пелевинский барон списан прежде всего с образа Унгерна, созданного польским писателем Фердинандом Оссендовским в книге «Люди, боги, звери». Юнгерн сокрушается: «...К сожалению, сюда попадают не только воины, но и всякая шелупонь, которая много стреляла при жизни. Бандиты, убийцы – удивительная бывает мразь. Вот поэтому и приходится ходить и проверять...

– Кто такие? – низким голосом спросил барон.

– Сережи Монголоида бойцы, – сказал один из них, не разгибаясь.

– Как сюда попали? – спросил барон.

– Нас по ошибке завалили, командир.

– Я вам не командир, – сказал барон. – А по ошибке никого не велят.

– В натуре, по ошибке, – жалобно сказал второй. – В сауне. Думали, что там Монголоид договор подписывает.

– Какой договор? – спросил Унгерн, недоуменно поднимая брови.

– Да нам кредит надо было отдавать. «Нефтехимпром» лэвэ на безотзывный аккредитив сбросил, а накладная не прошла. И, значит, приезжают два быка из «Ультима Туле»...

– Безотзывный аккредитив? – перебил барон. – Ультима Туле? Понятно.

Нагнувшись, он дунул на пламя, и оно сразу же уменьшилось в несколько раз, превратившись из режущего жаркого факела в невысокий, в несколько сантиметров, язычок. Эффект, который это оказало на двоих полуголых мужчин, был поразителен – они сделались совершенно неподвижными, и на их спинах мгновенно выступил иней.

– Бойцы, а? – сказал барон. – Каково? Кто теперь только не попадает в Валгаллу. Сережа Монголоид... А все это идиотское правило насчет меча в руке.

– Что с ними случилось? – спросил я.

– Что положено, – сказал барон. – Не знаю. Но можно посмотреть.

Он еще раз дунул на еле заметный голубоватый огонек, и пламя вспыхнуло с прежней силой. Барон несколько секунд пристально глядел в него, сощурился глазами.

– Похоже, будут быками на мясокомбинате. Сейчас такое послабление часто бывает. Отчасти из-за бесконечного милосердия Будды, отчасти из-за того, что в России постоянно не хватает мяса».

Настоящий же Унгерн именно с таким элементом и имел дело, как мы убедимся в ходе дальнейшего повествования. И говорил барон со своими подчиненными примерно так же, как глава мафии со своими «быками».

Но что любопытно, интерес к фигуре барона Унгерна в нашей стране существовал всегда. В 20-е и 30-е годы о нем выходили книги и статьи, его образ нередко мелькал на страницах произведений советских писателей, посвященных Гражданской войне в Сибири. Для целей пропаганды Унгерн был очень удобен, поскольку он, единственный из белых генералов, про-

возгласил открыто своими лозунгами восстановление монархии и антисемитизм, в чем Советская власть как раз и обвиняла в первую очередь все Белое движение. Затем, после Великой Отечественной войны, антисемитский мотив из образа Унгерна исчез, зато монархический – сохранился.

В 1967 году, в год юбилея Октябрьской революции, барон Унгерн удостоился целого советско-монгольского художественного фильма. Назывался этот фильм «Исход», поставили его режиссеры Анатолий Бобровский и Жамьянгийн Бунтар. Сценарий написали популярный писатель детективного жанра Юлиан Семенов в соавторстве с монгольским автором Базарын Ширэндыб. Звезда советского кино Владимир Заманский замечательно сыграл главную роль чекиста Прохорова, который под именем полковника Сомова пробирается к Унгерну, входит к нему в доверие, становится начальником штаба (как и полковник Ивановский), а затем организует захват барона монголами и передачу его в руки Красной армии. Самого же Унгерна хорошо сыграл рано умерший незаслуженно забытый ныне актер, артист балета и хореограф Александр Лемберг. Кстати сказать, он сам родился в Чите, т. е. в тех местах, где разворачивалась унгерновская эпопея. Характерно, что о заговоре офицеров против Унгерна в фильме не было ни слова, а заслуга в его поимке всецело приписывалась Красной армии и советской разведке. А вот взятие Урги Унгерном было запечатлено вполне реалистически, без каких-либо пропагандистских натяжек. Правда, и жестокость Унгерна в фильме практически не показана, может быть потому, что ее основным объектом были белые – офицеры и казаки, а также еврейское население Урги, еврейские же погромы в советском кино тогда были почти запретной темой.

Историк Юрий Кондаков склонен оправдывать жестокость Унгерна: «Надо принять во внимание те исключительные условия, в которых приходилось действовать Р. Ф. Унгерну. Поражение Белого движения на всех фронтах привело к полной деморализации белой армии. Казаки на Южном фронте и солдаты А. В. Колчака в равной степени массово бросали фронт и сдавались в плен. Чудовищные примеры деморализации известны, например, в частях атамана Б. В. Анненкова при отступлении в Китай (убивали и насиловали жен и дочерей своих же казачьих офицеров). Р. Ф. Унгерн смог не только сохранить от развала свои полки (где было 16 национальностей, и русские были в меньшинстве), но и заставить их доблестно сражаться и побеждать. Для этого были нужны экстренные меры... По мнению очевидцев событий, после взятия бароном Урги там было убито от 100 до 200 человек, около 50-ти из них были евреи».

Все оправдания такого рода построены на стремлении минимизировать число невинных жертв, находящихся на совести Унгерна. При этом игнорируются свидетельства, согласно которым жертв было гораздо больше. Так, Б. Н. Волков (о нем речь впереди), находившийся в Урге в первые дни вступления туда унгерновцев и будучи человеком весьма информированным, утверждает, что было истреблено все еврейское население Урги – 368 человек. И это – не считая жертв среди монголов и китайцев, а впоследствии – и русских жителей города, обвиненных в симпатиях к большевикам.

Нечего и говорить, что помимо художественной об Унгерне за восемь с половиной десятилетий, прошедших с периода его монгольской эпопеи и гибели, накопилась обширная литература, как мемуарная, так и исследовательская. Однако в его жизни и походах по-прежнему остается немало белых пятен. Начну с того, что согласно многочисленным свидетельствам, делопроизводство в Азиатской дивизии велось из рук вон плохо. Бумаг и канцелярий барон не любил, копий приказов и донесений зачастую не сохранял. Те же документы, которые остались, частично были захвачены красными и осели в советских, а ныне российских архивах, в том числе и таких закрытых, как архив ФСБ. Лишь очень малая часть их сегодня опубликована, равно как опубликована лишь незначительная часть документов советской стороны, связанных с борьбой против Унгерна. Немало документов также сохранилось у ушедших в эмиграцию офицеров дивизии и было использовано ими при написании мемуаров, но аутен-

тичность некоторых из них вызывает сомнения. С мемуарным покрытием, так сказать, унгерновской эпопеи также бросается в глаза существенная диспропорция. Подавляющее большинство авторов мемуаров – это офицеры и гражданские беженцы, оказавшиеся в Урге к моменту захвата города Унгерном и впоследствии мобилизованные в Азиатскую дивизию. Поэтому сравнительно хорошо оказался освещен период пребывания Унгерна в Урге и его похода против Советской России. А вот его деятельность в Даурии, равно как и первый период его пребывания в Монголии, включая все три штурма Урги, в мемуарах представлен, как правило, только с чужих слов. Из старых унгерновских офицеров, вышедших вместе с Унгерном из Забайкалья, многие погибли в боях, были казнены самим бароном или были убиты заговорщиками в ходе заговора против Унгерна. В высокие чины они в большинстве своем были произведены самим бароном из урядников и младших офицеров. Особой образованностью и склонностью к литературному творчеству они обычно не отличались, поэтому даже уцелевшие командиры полков (Очиров, Забиякин, Хоботов) мемуаров не оставили. Не оставили мемуаров и такие ключевые свидетели, как начальник контрразведки Унгерна полковник Сипайлов и начальник штаба Азиатской дивизии Ивановский. Вероятно, всем им было, что скрывать, и создать сколь угодно убедительные мемуары, способные оправдать их авторов в глазах белоэмигрантских масс, было попросту невозможно.

Несомненно, когда-нибудь будет написана академическая биография Унгерна с использованием всех имеющихся мемуарных и архивных источников. Моя задача значительно скромнее. Используя некоторые архивные источники, в частности мемуары и письма Бориса Николаевича Волкова, который первым из известных авторов писал свою «Унгерниаду» в 1921 году, еще при жизни «черного барона», а также опубликованные источники, я постараюсь набросать по возможности объективный, но не беспристрастный портрет барона Унгерна-Штернберга, показать ту роль, которую он вольно или невольно сыграл в Гражданской войне и во всемирной истории. Параллельно по ходу повествования мне придется установить личность начальника штаба Унгерна, загадочного полковника Ивановского, которого большинство мемуаристов числили помощником присяжного поверенного. Эта история почти детективная и представляет собой настоящее расследование. Равным образом почти детективными подробностями обрастает и история мемуаров Волкова, которые автор писал под разными именами вымышленных им людей. Я постараюсь проследить генезис побед и поражений «черного барона» и показать, насколько закономерен был постигший его конец. Я постараюсь также отделить истину от многочисленных легенд, сложившихся вокруг имени Унгерна.

Судьба Унгерна продолжает волновать людей и в наши дни. В 2006 году реабилитации барона Р. Ф. Унгерна как жертвы политических репрессий пытался добиться даже один из депутатов Государственной Думы России, но Новосибирский областной суд ему отказал. Не знаю, если бы реабилитация все же состоялась, принял ли бы ее дух мятежного барона. Мне кажется, он был вполне доволен именно таким концом своей земной жизни – от неприятельской пули, хотя еще лучше для него было бы пасть в бою. Если же брать юридическую сторону вопроса, то сама по себе борьба против большевиков и Советской власти с позиций сегодняшнего дня никак не может считаться преступлением. А вот убийство мирных российских граждан как в Монголии, так и в России, равно как и бессудные казни солдат и офицеров Азиатской дивизии, совершенные по приказанию Унгерна, на преступление, караемое высшей мерой, вполне тянет. Тем более что эти убийства нельзя даже списать на простой белый террор – ответ на красный террор. Большинство жертв Унгерна отнюдь не были большевиками или сторонниками большевиков, а пострадали потому, что были людьми состоятельными, и их средства могли пополнить казну Азиатской дивизии. Многие офицеры пострадали за то, что имели несчастье иметь самостоятельное мнение, отличное от мнения барона. Евреев же убивали еще и на почве расовой ненависти. Как-никак, Унгерн был, наверное, единственным белым генералом, жестокость которого вызвала восстание подчиненных. Последние при этом

совсем не собирались перейти на сторону большевиков. Сделать из него ангелоподобного идеолога евразийства, думаю, никому не удастся.

Хочу принести свою искреннюю благодарность работникам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и сотрудникам отдела микрофильмов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) за большую помощь в поиске и работе с документами. Я также хочу принести большую благодарность Гуверовскому институту войны и мира Стэнфордского университета (Калифорния), чья программа микрофильмирования архивных документов позволила мне ознакомиться с архивом Б. Н. Волкова, не выезжая из Москвы. И, в заключение, приношу свою самую сердечную благодарность Сергею Павловичу Петрову и Фонду «Династия» за неоценимую помощь, связанную с поиском материалов, посвященных Гражданской войне в России.

Детство и юность

Вот что о роде Унгерн-Штернбергов говорит Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: «Унгерн-Штернберг – графский и баронский род, происходящий от Ганса У., бывшего в 1269 г. вассалом рижского архиепископа. Баронское достоинство пожаловано этому роду в 1653 г. шведскою королевою Христиною. Барон Карл Карлович (1730–1799) был генерал-адъютантом императора Петра III, служил также под начальством Румянцева. Одна из линий получила в 1874 г. графское достоинство Российской империи. Род У.-Штернбергов включен в дворянские матрикулы всех трех прибалтийских губерний». Существует предание, что предок Ганса, рыцарь Иоганн фон Штернберг, прибыл в Ливонию в 1211 году из Венгрии, почему и был прозван Унгерном, положив начало ливонской линии рода Штернбергов, в отличие от германской, взявшей еще одну фамилию Унгерн. Во Франконии же род Штернбергов был известен еще с XI века. В Чехии же род Штернбергов известен с начала XII века. Он имел в гербе звезду между двумя орлиными крыльями, откуда и происходит название рода. В XVII веке императоры Габсбурги пожаловали Штернбергам графский титул. В связи с этим Христина и пожаловала баронство «своей» ветви Штернбергов, чтобы они не чувствовали себя обделенными.

Существует, правда, и еще одна версия генеалогии Унгернов, но она больше смахивает на легендарную. Полковник М. Г. Торновский, со ссылкой на одного из представителей рода Унгернов-Штернбергов, оказавшегося в Шанхае и якобы пользовавшегося книгой «Родословная дома Унгариа», изданной в Риге в 1940 году, сообщает, что «примерно в начале XII в. из Венгрии в Галицию переселились два родных брата де Унгариа. Оба они женились на родных сестрах славянского князя ливов (последний кажется фигурой совсем уж мифической. – Б.С.). Отсюда пошли два старейших рода Унгернов и Ливиных, впоследствии светлейших князей (скорее всего, эта сказка была придумана для того, чтобы доказать связь Унгернов со знатным родом князей Ливиных. – Б.С.). Из Галиции де Унгариа с семьей переселились в Прибалтику.

Во времена владения Прибалтикой ливонскими рыцарями де Унгариа становятся баронами Унгернами, а во времена владычества в Прибалтике шведов, услужливый историк, писавший семейную хронику, прибавил к фамилии «Штарнберг», отыскав какое-то родство рода Унгариа с чешским графом Штарнберг. Основная кровь рода Унгернов – венгеро-славянская. С течением времени к ней в большой дозе примешалась кровь германская и скандинавская».

Перед нами – красивая родовая легенда, призванная доказать, что сами Унгерны – столь же древний и знатный род, как и сами Штернберги, а отнюдь не позднейшее ответвление этого последнего рода. Отсюда – и родство с мифическим славянским князем ливов.

Герой этой книги барон Роберт-Николай-Максимилиан (Роман Федорович) Унгерн фон Штернберг родился 29 декабря 1885 года (н. ст.) в австрийском городе Граце (все даты до 1 февраля 1918 года, кроме особо оговоренных, приводятся в книге по старому стилю – принятому в Российской империи юлианскому календарю). Отцом его был Теодор-Леонгард-Рудольф, а мать Софи-Шарлотта фон Вимпфен, немка, уроженка Штутгарта. Они с бароном поженились в 1880 году, когда Софии было всего 19 лет. Она принесла за собой значительное приданное обедневшему аристократу, которому почти ничего не перепало из-за отцовского наследства по причине наличия четырех старших братьев. Теодор и Софи много путешествовали по Европе, поэтому не удивительно, что их первенец родился в Австрии.

Родовое имение той ветви рода Унгернов, к которой принадлежал Роман, мызу Унгру (первоначально Линден) заложили в 1523 году. Начиная с 1620-х годов и вплоть до 1919 года владельцами мызы был род Унгерн-Штернбергов. Последним владельцем мызы был Клаус фон Унгерн-Штернберг.

Вот как изложил историю своего рода сам Роман Федорович польскому журналисту Фердинанду Оссендовскому: «Семья баронов Унгерн-Штернбергов принадлежит роду, ведущему происхождение со времен Атиллы. В жилах моих предков течет кровь гуннов, германцев и венгров. Один из Унгернов сражался вместе с Ричардом Львиное Сердце и был убит под стенами Иерусалима. Даже трагический крестовый поход детей не обошелся без нашего участия: в нем погиб Ральф Унгерн, мальчик одиннадцати лет. В XII веке, когда орден меченосцев появился на восточном рубеже Германии, чтобы вести борьбу против язычников-славян, эстов, латышей, литовцев, – там находился и мой прямой предок – барон Гальза Унгерн-Штернберг. В битве при Грюнвальде пали двое из нашей семьи. Это был очень воинственный род рыцарей, склонных к мистике и аскетизму, с их жизнью связано немало легенд. Генрих Унгерн-Штернберг по прозвищу Топор был странствующим рыцарем, победителем турниров во Франции, Англии, Германии и Италии. Он погиб в Кадиксе, где нашел достойного противника-испанца, разрубившего ему шлем вместе с головой. Барон Ральф Унгерн был пиратом, грозой кораблей в Балтийском море. Барон Петр Унгерн, тоже рыцарь-пират, владелец замка на острове Даго, из своего разбойничьего гнезда господствовал над всей морской торговлей в Прибалтике. В начале XVIII века был известен некий Вильгельм Унгерн, занимавшийся алхимией и прозванный за это Братом Сатаны. Морским разбойником был и мой дед: он собирал дань с английских купцов в Индийском океане. Английские власти долго не могли его схватить, а когда наконец поймали, то выдали русскому правительству, которое сослало его в Забайкалье». Барон также утверждал, что его дед принял буддизм в Индии, после чего буддистами стали его отец и он сам.

Этот рассказ не во всем точен. Впрочем, нельзя исключить, что его полностью придумал Оссендовский, решивший для большей художественной убедительности облечь собственные разыскания по генеалогии Унгерн-Штернбергов в прямую речь самого барона.

На самом деле Отто-Рейнгольд-Людвиг Унгерн-Штернберг настоящим пиратом никогда не был, хотя и совершил морское путешествие в Мадрас. Там его действительно задержали англичане, но не как пирата, а просто как подданного враждебной державы. Ведь тогда шла Семилетняя война и Англия в союзе с Пруссией воевала против России, Франции и Австрии.

Отто Рейгольд в 1781 году купил у своего родственника и товарища по Лейпцигскому университету графа Карла Магнуса Штенбока имение Гогенхельм на острове Даго. Здесь барон прожил до 1802 года, когда был арестован, судим в Ревеле и сослан в Тобольск, где спустя десять лет и умер. Обвиняли его, однако, не в том, что он ложным маяком будто бы в бурю заманивал корабли на скалы, а затем грабил их и убивал экипажи. На самом деле барону инкриминировали лишь то, что он вылавливал и присваивал грузы с разбившихся в шторм кораблей. Подлинной причиной его ссылки в Сибирь стала ссора с бывшим владельцем Гогенхельма, ставшим эстляндским генерал-губернатором. Впрочем, нельзя исключить, что использование фальшивого маяка просто не смогли доказать. Что же касается убийства команд и пассажиров судов, то это, скорее всего, свойственное молве поэтическое преувеличение, и на самом деле предок Романа Федоровича Унгерн-Штернберга душегубом не был.

Дед Унгерна по отцовской линии был управляющим суконной фабрикой в Кертеле на острове Даго, а отец, доктор философии Лейпцигского университета, служил в Петербурге в Министерстве государственных имуществ.

После переезда семьи в Ревель летом 1887 года Теодор-Леонгард-Рудольф совершил поездку по Южному берегу Крыма с целью изучить перспективы развития там виноградарства. Путешествие было предпринято по заданию Департамента земледелия Министерства государственных имуществ. Свои выводы Унгерн-старший изложил в солидном сочинении. Умер он в 1918 году.

В 1891 году родители пятилетнего Роберта развелись, мальчик остался с матерью. Через три года она вторично вышла замуж – за барона Оскара Федоровича Гойнинген-Гюне. Брак этот как будто оказался счастливым, Софи-Шарлотта родила ещё сына и дочь. Семья посто-

янно проживала в Ревеле, выезжая летом в родовое имение Ервакант недалеко от Ревеля. Мать Унгерна умерла в 1907 году. А отношения с отчимом у пасынка не сложились. У Романа был также родной младший брат Константин.

Роман недолго посещал Николаевскую гимназию Ревеля, откуда был исключен, по словам его двоюродного брата Арвида Унгерн-Штернберга, «из-за плохого прилежания и многочисленных школьных проступков». Характер у Романа с детства проявился весьма скверный.

После ухода из гимназии Унгерн, по утверждению одного из биографов барона, Н. Н. Князева, некоторое время учился в Императорском Александровском лицее, славном именами Пушкина, Дельвига, Горчакова и многих других. Унгерн якобы готовился к дипломатической карьере. Однако и здесь, судя по всему, строптивый барон не удержался и вынужден был уйти в частный пансион Савича. Впрочем, должен сказать, что Князев – в части сведений, сообщаемых о детстве и юности барона, автор весьма ненадежный. Достаточно сказать, что годом рождения Унгерна он называет 1882 год. Так что вполне вероятно, что ни в каком Александровском лицее барон на самом деле никогда не учился.

По выбору матери Роман отправился учиться в петербургский Морской кадетский корпус – весьма элитное учебное заведение. При поступлении юноша изменил имя на русское – Роман Фёдорович. Зачислен он был на казенный кошт приказом от 5 мая 1903 года. Однако военным моряком не стал. Согласно распространенной легенде, едва началась война с Японией, 17-летний барон решил ехать на фронт и, за год до выпуска оставив учебу, поступил вольноопределяющимся в пехотный полк. За храбрость в боях получил светло-бронзовую медаль «В память русско-японской войны» и звание ефрейтора.

Но в действительности все было совсем не так возвышенно. В Морском корпусе Роман учился ничуть не более прилежно, чем в Ревельской гимназии. Особенно хромала дисциплина. Вот выдержки из его аттестационной тетради: «Поздно встал. Суббота без отпуска»; «Самовольно вышел из фронта. 1 сутки ареста»; «Курил в палубе, лежа на койке. Строгий арест на 2 суток»; «Стоя при вахтенном начальнике, уходил со своего места и на замечание вахтенного начальника: «Куда Вы уходите, несмотря на то что Вам мною приказано быть на шканцах» – отвечал: «Я не рассыльный, чтобы стоять на одном месте». Строгий арест на 3 суток и ставить на время отдыха на шканцы в течение месяца»; «Будучи арестован, убежал из карцера и гулял по шканцам, пока часовой уносил посуду от обеда. Продолжение ареста на 1 сутки»; «Выслан из класса за драку с товарищем. Не был на вечернем уроке Закона Божия. Идя во фронте, держал руку в кармане. Строгий арест на 3 суток»; «Испачкал стол чернилами и на замечание преподавателя ответил: «Я делаю это по привычке». Строгий арест на 3 суток»; «Выслан из класса на уроке корабельной архитектуры: во время ответа урока, которого не знал, на замечание преподавателя: «Ваше объяснение не понятно» ответил: «Очень жаль». Строгий арест на 2 суток»; «Выслан из класса за то, что в то время, когда помощник инспектора делал замечание, смеялся. Строгий арест на 1 сутки»; и т. д. В результате 5 мая 1904 года Унгерн был оставлен на второй год в младшем специальном классе. А 8 февраля 1905 года было «предложено родителям барона Унгерна-Штернберга, поведение которого достигло предельного бала (4) и продолжает ухудшаться, взять его на свое попечение в двухнедельный срок, предупредив их, что если по истечении этого времени означенный кадет не будет взят, то он будет из корпуса исключен». И 18 февраля родители, чтобы предотвратить неизбежное исключение, забрали Романа из корпуса.

Так что Унгерн покинул корпус отнюдь не потому, что горел желанием драться против японцев, а по причине своего плохого поведения и прилежания, сделавших неизбежным его отчисление.

Показательно, как изменилась данная Унгерну аттестация за время пребывания в корпусе. 12 августа 1903 года в ней утверждалось: «Очень хороший кадет, но ленив, очень любит физические упражнения и прекрасно работает на марсе. Не особенно опрятен». Что ж, рав-

нодушие к своему внешнему виду и неопрятность были свойственны барону до конца жизни. Особенно это проявилось в Монголии, где и в самом деле условия гигиены были весьма тяжелыми. Но в целом неопрятность – грех небольшой, особенно в сравнении с теми, что Унгерну еще предстояло свершить. Поэтому эта первая аттестация барона выглядит вполне приличной. Но уже в январе 1905 года Унгерна характеризовали как кадета, от которого следует избавиться при первой возможности: «Весьма плохой нравственности, при тупом умственном развитии; правила корпуса не исполняет упорно, неопрятен, груб. Имеет плохие отношения с отчимом». В 1903 году поведение Унгерна было оценено как «очень хоошее», а уже в 1904-м – только как «посредственное». В 1903 году в исполнении служебных обязанностей барон был «чень исправен», а год спустя – уже «мало исправен». Вот в занятиях Унгерн неизменно был «мало прилежен» и «мало внимателен». Сухая теория и зубрежка его никогда не привлекали. Вот морская служба ему поначалу нравилась, почему в 1903 году барон в этом отношении характеризовался: «Способен, распорядителен». Но уже в 1904 году характеристика стала прямо противоположной: «Мало способен, мало распорядителен».

Словом, в Морском корпусе Унгерн показал себя капризным и своенравным воспитанником, не привыкшим подчиняться каким-либо уставам и требованиям дисциплины. Роман привык поступать только так, как он хочет, и не считаться с интересами и мнениями других. Для него существовала только та реальность, которую он сам себе придумал. Таким большим непослушным ребенком, в сущности, барон остался до конца жизни.

Знания, полученные в Морском корпусе, Роману практически негодились, поскольку почти вся его дальнейшая жизнь прошла вдали от моря. Морская романтика в общем оставила его равнодушным. Его влекла романтика дальневосточной тайги и монгольских степей, с которой он познакомился во время похода против Японии. И уже во время учебы в корпусе Роман оказался органически чужд всякой дисциплины. Вернее, сам он любил, чтобы ему подчинялись беспрекословно, а вот сам не терпел, чтобы его заставляли делать то, что он не хотел.

После ухода из корпуса барон 10 мая 1905 года поступил вольноопределяющимся 1-го разряда в 91-й Двинский пехотный полк. С ним он проделал поход против Японии, но, когда полк прибыл на театр военных действий в Маньчжурию в июне и переведен в 12-ф Великолуцкий пехотный полк, война уже кончилась, и на этот раз Унгерну не довелось принять участие в сражениях, как сообщается в его послужном списке 1913 года. За участие в походе он действительно был награжден «Светло-бронзовой медалью» и в ноябре 1905 года произведен в ефрейторы.

Отныне барон думал только о военной карьере. В октябре 1906 года он поступил в Павловское военное училище, которое окончил в 1908 году, но только по 2-му разряду. И здесь барон показал себя недисциплинированным и мало прилежным юнкером.

В первый раз в Монголии

7 июня 1908 года барон был выпущен по окончании училища в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска с присвоением звания «хорунжий». С его итоговыми оценками не приходилось рассчитывать на выпуск в какой-нибудь гвардейский полк, куда обычно выпускали элитных «павлонов». Очевидно, он хотел служить поближе к местам, знакомым ему по японскому походу, а переход в кавалерию, скорее всего, позволял удовлетворить давнюю его страсть к верховой езде.

1-й Аргунский полк стоял на железнодорожной станции Даурия между Читой и границей Китая. Здесь Унгерн быстро превратился в отличного наездника.

Барон служил младшим офицером 2-й сотни и вместе с ней в сентябре 1910 года был командирован на станцию Соболино «для содействия гражданским властям» (очевидно, в подавлении беспорядков), причем командировка продлилась до декабря. Кроме того, в период с 5 июня по 6 октября Унгерн трижды участвовал в карательных экспедициях в Якутской области, где подавлял беспорядки среди местного населения.

28 февраля Унгерн был переведен в Амурский казачий графа Муравьева-Амурского полк, куда прибыл только в июне. Здесь барон временно возглавлял пулеметную команду, а потом – команду разведчиков 1-й сотни.

По утверждению Н. Н. Князева, переход Унгерна в Амурский полк был вызван ссорой с сотником М., «со взаимными оскорблениями и обнажением оружия. Сотник нанес Унгерну очень неприятную рану шашкой в голову, но от дуэли отказался. Эта несчастная рана, по собственному признанию Романа Федоровича, давала чувствовать себя до конца его дней, потому что порой вызывала нестерпимые головные боли, возможно, что она вообще отразилась на состоянии его душевного равновесия.

В первый день Св. Пасхи 1911 г. (на самом деле, согласно послужному списку, все это происходило в 1910 году. – Б.С.) барон выехал из Забайкалья к месту новой службы, в Амурскую область. Весь путь (около 900 верст) он проделал верхом, в сопровождении одной лишь собаки, следуя по кратчайшему направлению через Большой Хинган, охотничьими тропами. Проводника-орочона пришлось отпустить с первой четверти пути – у того пала лошадь. В своем инстинкте разведчика Унгерн умышленно выбирал самое безлюдное направление, и потому добывал себе пропитание исключительно охотой».

По другой версии, маршрут этой знаменитой поездки был несколько другим, и предпринял ее Унгерн на пари с товарищами по полку. Условия пари якобы были следующими: имея при себе винтовку с патронами, без какого-либо запаса провизии, барон должен был на одной лошади, без проводников, проехать по тайге более 400 вёрст от Даурии до Благовещенска, где стоял Амурский полк, а на последнем этапе переплыть на коне реку Зею. Этот маршрут Унгерн, тайги прежде не знавший, преодолел будто бы точно в срок и пари выиграл.

Судя по всему, командованию 1-го Аргунского полка удалось замять инцидент. Во всяком случае, никаких взысканий на Унгерна наложено не было. И аттестации барона за 1911 и 1912 годы были вполне благоприятными. Командир 1-й сотни подьесаул Кузнецов в 1911 году писал: «Службу знает и относится к ней добросовестно. К подчиненным нижним чинам требователен, но справедлив. Здоровьем крепок. Ездит хорошо, в седле очень вынослив. Умственно развит хорошо. Интересуется военным делом. Благодаря знанию иностранных языков, знаком с иностранной литературой. Толково и дельно ведет занятия с разведчиками. Прекрасный товарищ. Открытый, прямой, с отличными нравственными качествами, он пользуется симпатиями товарищей». Общий вывод сводился к тому, что Унгерн «вполне годен к строевой службе и заслуживает выдвижения». Аттестационная комиссия согласилась, что барон годен к строевой, но сочла, что к командованию сотней он еще не подготовлен. Принци-

пиально не отличалась от нее и характеристика следующего года. Только Кузнецов теперь уже был есаулом. Дополнительно было отмечено, что Унгерн особо интересуется кавалерийским делом, а также «в большой степени увлекается и склонен к походной жизни». Отмечен был и интерес барона не только к военной, но и к общей литературе. Нравственный облик Унгерна, судя по этой аттестации, вообще был англоподобен: «В нравственном отношении безупречен, между товарищами пользуется любовью. Обладает мягким характером и доброй душой. Общее заключение: хороший». Учитывая последующие события, данный пассаж воспринимается как образец черного юмора. Аттестационная комиссия, правда, несколько понизила общую оценку до «удовлетворительный». Обе аттестации утвердил командир Амурского полка полковник Радац.

Вскоре после аттестации, в сентябре 1912 года, Унгерн был назначен младшим офицером 3-й сотни, а 30 октября его произвели в сотники, что соответствовало армейскому чину поручика.

Служба в Амурском полку, стоявшем в Благовещенске, была небогата событиями. В августе 1911 года Унгерну пришлось обучать военному делу прибывших из Европейской России крестьян-переселенцев, а в конце мая 1912 года его командировали на месяц для проведения военно-конской и повозочной переписи.

Казалось, служба и карьера Унгерна наладились, но тот грянул гром. 4 июля 1913 года Унгерн вдруг подал Всеподданнейшее прошение об увольнении в запас, поскольку «расстроены домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать военную Вашего императорского Величества службу».

13 декабря 1913 года сотник Роман Федорович Унгерн-Штернберг Высочайшим приказом был уволен в запас без награждения следующим чином и правом ношения мундира, так как не успел выслужить необходимого для этих наград срока.

К моменту отставки Унгерн имел годовое жалованье в 804 рубля. В год ему также выплачивалось 284 рубля квартирных, 108 рублей приамурских суточных, 180 рублей добавочных денег к жалованью, а также фуражные деньги на одну строевую лошадь по утвержденным ценам. Холостому офицеру этих средств вполне хватало для безбедной жизни.

Что же произошло? Князев утверждает: «Но вот новые места – Амурская область – изучены, яркость впечатлений поблекла, и Романа Федоровича снова потянуло назад к забайкальцам. Влекла его туда возможность перейти на постоянное жительство в безбрежные просторы Монголии, куда переведен был один из полков Забайкальского казачьего войска, в связи с отделением этой страны от Китая. Перевод не состоялся, потому что командир Амурского полка не согласился отпустить барона из своей части. На такую меру Роман Федорович ответил рапортом об увольнении в запас: казалось, никакие внешние препятствия не могли побороть его настойчивых устремлений в монгольские степи.

Летом 1913 года Унгерн появился в Кобдо, где расположен был в то время дивизион 2-го Верхнеудинского полка. Он приютился в сотне есаула Комаровского, у которого состоял младшим офицером друг барона, Б. П. Резухин. Роман Федорович занял должность нештатного офицера сотни.

За время, протекшее с конца 1913 г. до августа 1914 г., Роман Федорович посетил все значительные пункты Халхи. Побывал, вне сомнения, во многих буддийских монастырях; сделал интересовавшие его знакомства с некоторыми представителями аристократии и духовенства, а главное – до краев наполнился теми настроениями, которые дают волнистые дали Монголии, ее причудливые храмы и стада многочисленных дзеренов, спокойно пасущихся на зеленых коврах необъятных падей, и люди ее, как бы ожидающие могучего толчка, чтобы пробудиться от векового сна, и даже, может быть, дымки над юртами и монотонное, медлительное скрипение повозок какой-то монгольской семьи, перекочевывающей в беспредельность. К тому же периоду острого ознакомления с Монголией относится, вероятно, и следующий шаг, совершенный

Романом Федоровичем по пути освоения этой страны, а именно восприятие религии Монголии, ее ламаизма.

Весна 1914 г. предстала перед бароном вся разубранная цветами, на фоне изумрудно-зеленых далей. Ничто, как будто бы, не предвещало грядущих событий. Проникшийся поэзией Монголии, Унгерн оседлал коня, свистнул собаку и отправился в свои полуохотничьи, полуэтнографические исследования. Несколько месяцев скитался он между Кобдо и Ургой. Можно предположить, что именно в этот период своей жизни он услышал голос подлинной, мистически близкой ему Монголии...

Известие о вспыхнувшей войне на западе было для барона зовом из мира грозной действительности. Роман Федорович спешит вступить в казацкие ряды. Он поскакал в Читу и там выяснил, что забайкальцы получили распоряжение оставаться на местах. Барон едет на фронт одиночным порядком. Он вливается в ряды одного из второочередных полков Донского казачьего войска».

Таким образом, по мнению Н. Н. Князева, с лета 1913 года и вплоть до начала Первой мировой войны Унгерн находился в Монголии, при этом оставаясь на военной службе – внештатным офицером одной из сотен дивизиона 2-го Верхнеудинского полка, которой командовал будущий белый генерал Комаровский, а младшим офицером служил друг Унгерна и тоже будущий белый генерал Б. П. Резухин.

Однако данные послужных списков и свидетельства других мемуаристов рисуют куда менее благодатную картину последнего предвоенного года жизни Унгерна. Так, по свидетельству Голубева (под этим псевдонимом, как мы увидим дальше, писал Б. Н. Волков), в период службы Унгерна в Забайкалье у него была ссора с одним из офицеров, который ударил Унгерна по голове, в результате чего барону пришлось уйти из 1-го Аргунского полка: «...Барон Роман Федорович Унгерн... в 1909 г. перешел в армию, в 1-й Аргунский казачий полк, стоявший в Цурукае. В полк он был принят в чине хорунжего. Совершенно не знавший кавалерийской езды, рубки, джигитовки, Унгерн, благодаря своей энергии и прекрасному учителю его – командиру второй сотни Оглоблину (ныне генерал), быстро изучил езду и рубку и считался в полку одним из лучших – как наездников, так и рубак.

Уже в то время он сильно увлекался Монголией и часто проводил время среди монголов на охоте, особенно на лисиц. В своих поездках, естественно, он сталкивался с религиозным бытом монголов, что и положило основание к изучению им буддизма, от которого он не отказался на протяжении всей своей жизни.

Несмотря на то что Унгерн был прекрасно воспитанный, тихий, застенчивый молодой человек, особенно стеснявшийся в присутствии дам, он был очень беспокойный офицер, причинявший массу неприятностей командному составу. Его пристрастие к спиртным напиткам не знало границ. И в опьяненном состоянии он становился другим человеком, совершенно нетерпимым в обществе. Обладавший незаурядной храбростью, самоотверженностью, он в то же время совершил поступок, который в корне отвергал все его достоинства как человека, так и офицера.

В одну из очередных попок в офицерском собрании Михайлов, большой приятель Унгерна, поссорившись с ним, назвал Унгерна «проституткой». На оскорбление Унгерн промолчал. Присутствовавшие при инциденте гг. офицеры полка были удивлены молчанием Унгерна, а еще более тем, что в ближайшие три дня Унгерн не потребовал ни удовлетворения, ни простого извинения от Михайлова. Возмущенные гг. офицеры потребовали суда чести над Унгерном и над Михайловым. Суд чести, состоявший из офицеров Оглоблина, Шестакова, Серебрякова, Зимина, потребовал объяснений от Унгерна: почему он не реагировал на оскорбление? Унгерн и на суде не дал никакого ответа. По постановлению суда чести Михайлов и Унгерн были исключены из полка, а так как они были молодые офицеры, то, чтобы не портить им совершенно карьеры, им предложили выбрать полки, в которые они должны были

бы перевестись. Михайлов вышел в отставку и служил крестьянским начальником, а Унгерн перевелся в 1-й Амурский полк, который стоял в Благовещенске. Из полка Унгерн выехал на осле, в сопровождении собаки и ручного сокола, пребывание которого на плече Унгерна оставило несмыаемые следы. Продолав путь около 1000 верст при всяких лишениях, Унгерн прибыл в Благовещенск и зачислился в полк.

Но и в новом полку ему не удалось долго удержаться. Привычка к спиртным напиткам не оставляла его и он, проделав целый ряд поступков, причинявших командному составу много неприятностей, был исключен из полка с испорченным послужным списком за дуэль по пьяному делу, окончившуюся серьезным ранением его в голову. Исключенный из полка и вышедший в отставку, Унгерн вновь предпринял путешествие, отправившись в Кобдо, где служили его приятели сотник Резухин и подьесаул Лихачев. Прибыв в Кобдо и остановившись у них, Унгерн при своем подвижном характере вступил в шайку хунхузов, с которой и странствовал по степям Монголии. Через короткое время он принял командование шайкой, как более опытный из всех. Скитаясь по степям, Унгерн ближе и ближе знакомился с учением буддистов и становился в их рядах добросовестным членом. В 1912 г. он со своим отрядом хунхузов помогал халхасам осуществить их независимость, успешно оперируя против китайцев. После ликвидации китайского протектората и объявления независимости Монголии, Унгерн вновь удалился со своим отрядом в степи, где и продолжал грабить китайские караваны, а также и кочевников. Цель его была не нажива, так как он был совершеннейшим бессеребренником, а проявление отваги, связанной с риском ежеминутной смерти. Кровь предков, полурьшарей-полуразбойников, вечно кипела, отягощая больной мозг, призывая Унгерна совершать поступки, времена которых канули в пыли веков, отошли в область легенд.

Объявление войны Германии застало его в Монголии: он оставил малое поле деятельности и ринулся на войну со всем жаром пылкой, мятежной души, искавшей приключений. Унгерн был зачислен в 1-й Нерчинский полк (с тем же чином хорунжего), которым командовал барон Врангель».

Рукопись под псевдонимом «Голубев» Волков создавал в 1926 году. Уже под своим именем, в примечании к своим «Запискам об Унгерне», сданным в библиотеку Гуверовского института войны и мира в конце 1931 года, Волков утверждал: «О шраме на лбу существует несколько версий. Мне лично в Пекине рассказывал забайкальский казак, генерал Зимин, хорошо знавший Унгерна, что шрам этот – результат удара шашкой, который нанес Унгерну его большой друг, казачий офицер, фамилию которого я забыл. Унгерн был пьян и оскорбил своего друга, бывшего в момент оскорбления дежурным офицером, исполнявшим свои служебные обязанности. Генерал Зимин, по его словам, был председателем суда, судившего Унгерна, который должен был после суда оставить полк. Генерал Комаровский рассказывал мне, что Унгерн, ввиду его постоянных пьяных скандалов, должен был перебраться в Кобдо, в занесенный песком город Западной Монголии, где стоял небольшой русский казачий отряд под командой Комаровского. Таким образом Унгерн стал младшим офицером Комаровского. В это время Унгерн увлекался буддизмом, изучал монгольский язык и проводил все время в разговорах с ламами и гаданиях. У генерала Комаровского еще в то время не было сомнения в том, что Унгерн ненормален».

Характерно, что в обоих текстах Волков подчеркивает ненормальность Унгерна. Вместе с тем в более позднем тексте он уже не допускает анахронизмов первого. Очевидно, что в Монголии в 1912 году и тем более еще раньше Унгерн не был. В это время он продолжал службу в 1-м Аргунском, а потом в Амурском полку. В Монголию он же попал, скорее всего, только в самом конце 1913-го или в начале 1914 года, после удовлетворения его прошения об отставке и никаким образом не мог участвовать в борьбе за независимость Внешней Монголии, провозглашенную в 1911 году. Конечно, Унгерн мог выехать в Монголию и, не дожидаясь официального удовлетворения прошения об отставке, но, во всяком случае, не ранее чем

подал это прошение. В более позднем тексте, написанном под своей фамилией, Волков опустил маловероятные подробности, вроде того, что Унгерн совершил свой пробег в Благовещенск верхом на осле и с охотничьим соколом на плече, или утверждения, будто в Монголии Унгерн был атаманом шайки хунгузов. Опустил также Волков явно неверные сведения о начале службы Унгерна в Первую мировую войну.

Наиболее правдоподобной выглядит версия, которую Б. Н. Волков зложил под своим именем. Ссора, о которой рассказал ему Зимин, произошла, скорее всего, в июле 1913 года, и в результате Унгерну пришлось уйти в отставку. Предыдущая же ссора, в результате которой барону пришлось покинуть 1-й Аргунский полк, обошлась без рукоприкладства, дело ограничилось словесными оскорблениями. Генерал-майор Василий Васильевич Зимин, который, очевидно, был главным источником информации для Волкова, в 1914 году служил в 1-м Аргунском полку, а в 1916 году, будучи награжден георгиевским оружием, был уже в звании войскового старшины. В 1917 году Зимин стал первым выборным атаманом Забайкальского казачьего войска. Он действительно мог состоять председателем полкового суда чести. Вероятно, первую «бескровную» ссору он наблюдал лично, и эту историю с его слов Волков подробно изложил в тексте от лица «Голубева». О второй же истории, когда Унгерн был ранен ударом шашки по голове, Зимин рассказывал Волкову уже с чужих слов. Волков, когда в 1931 году писал примечания к своим «Запискам» для Гуверовской библиотеки, возможно, не имел под рукой своего текста, написанного от лица «Голубева», и невольно контаминировал в одну обе истории, происшедшие с Унгерном в 1910-м и в 1913 году. После этой отставки Унгерн служил в сотне Комаровского в Кобдо, но уже без российского офицерского жалованья. Вероятно, жалованье ему платили монгольские власти, содержавшие кобдосский казачий дивизион. И, согласно послужному списку, барон был призван в первый день мобилизации – 19 июля и, следовательно, никак не мог явиться на службу добровольно. С другой стороны, он вполне мог договориться, чтобы ему разрешили не ехать в Забайкальское войско, которое в тот момент еще не направлялось на фронт, а поступить в один из фронтовых казачьих полков – 34-й Донской.

Как известно, в конце XVII века монголы, изнуренные войнами и эпидемиями и давно уже утратившие воинственный дух Чингисхана, признали себя вассалами Китая, а уже в конце XVIII века и Внутренняя, и Внешняя Монголия были оккупированы китайскими войсками. Восстановление суверенитета произошло не без помощи России, видевшей в Монголии сферу своего влияния.

1 декабря 1911 года Внешняя Монголия, объединявшая северные (Халха) и западные (Кобдо) аймаки, провозгласила себя независимой от Китая, воспользовавшись Синьхайской революцией и свержением китайской императорской династии Цин. Главой Монголии стал ламаистский первосвященник Богдо-геген Джебцзун-Дамба-хутухта, или же просто Богдохан, – абсолютный теократический владыка страны, где буддистами-ламаистами было практически все монгольское население. Для монгол Богдо-геген был живым богом. 3 ноября 1912 г. в Урге было заключено русско-монгольское соглашение. В первой его статье Россия обещала Монголии «помощь к тому, чтобы сохранялся установленный ею автономный строй», однако о независимости прямо не говорилось. Во второй статье подчеркивалось, что «другим иностранным подданным не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные». Специальный протокол закреплял за русскими право беспопытной торговли, свободы проживания и передвижения по всей территории Монголии. Русские коммерсанты получали право заключать любые сделки, приобретать или арендовать земельные участки, эксплуатировать горные и лесные ресурсы, рыбные промыслы. 5 ноября 1913 г. в Пекине было подписано русско-китайское соглашение, согласно которому Россия признала, что Монголия «находится под сюзеренитетом» Китая. А уже после начала Первой мировой войны, 7 июня 1915 года, в пограничном городе Кяхта было подписано тройственное рус-

ско-многоло-китайское соглашение. В нем Внешняя Монголия подтвердила свою автономию, финансово-экономические привилегии России сохранялись, признавался суверенитет Китая над Внешней Монголией. Был запрещен ввод иностранных войск (за исключением охраны консульств) на территорию Внешней Монголии. Монголия получила право формировать собственные вооруженные отряды, которые фактически существовали еще со времени антикитайского восстания 1911 года.

Десятки русских офицеров и казаков служили в новосоздаваемой монгольской армии в качестве советников и инструкторов. В Кобдо до начала Первой мировой войны стоял русский казачий дивизион, чтобы гарантировать страну от нападения со стороны Китая. Не исключено, что Унгерн просился добровольцем в монгольское войско или в состав казачьего конвоя при консульстве, но консул не захотел иметь рядом с собой офицера с подмоченной репутацией, равно как не разрешил ему служить у монголов. После чего барон, благодаря давней дружбе с Резухиным, устроился в сотню Комаровского сверхштатным офицером. При этом жалование ему могли платить либо монгольские власти, либо местные русские купцы. Штатным же офицером дивизиона Унгерн точно не состоял, иначе это было бы отражено в его послужных списках, составленных в Первую мировую войну.

По утверждению русского купца А. В. Бурдукова, жившего в Монголии, в августе 1913 года он вместе с Унгерном совершил путешествие из улясутая в Кобдо. Август здесь вполне вероятен, поскольку еще 4 июля Унгерн был в Благовещенске, где подал прошение об отставке. В русском консульстве в Улясутае, где Бурдукрв и встретился с Унгерном, барон представил удостоверение примерно следующего содержания: «Такой-то полк Амурского казачьего войска удостоверяет в том, что вышедший добровольно в отставку поручик (наверняка было – сотник. – *Б.С.*) Роман Фёдорович Унгерн-Штернберг отправляется на запад в поисках смелых подвигов». Скорее всего, Алексей Васильевич за давностью лет спутал не только воинское звание Унгерна, но и содержание записки. В конце 1920-х годов, когда Бурдуков писал свои воспоминания, Унгерн уже был известен как искатель смелых подвигов. Но для официальной бумаги подобная поэтическая вольность недопустима. Скорее всего, удостоверение представляло собой письмо к русскому консулу в Кобдо В. Ф. Любе с просьбой использовать Унгерна в местном казачьем дивизионе. Но там не нашлось вакансий, и Унгерну пришлось служить там сверхштатно, получая содержание от монгольских властей Кобдо. Версия Бурдукова, будто Унгерн собирался служить у Джа-ламы, разбойника, выходца из России (скорее всего – калмыка), воевавшего и с китайцами, и с монголами, совершенно неправдоподобно, тем более что всего через несколько месяцев Джа-лама был арестован русскими казаками.

Вот как Бурдуков описал Унгерна: «Он был поджарый, обтрепанный, неряшливый, обросший желтоватой растительностью на лице, с выцветшими застывшими глазами маньяка. По виду ему можно дать лет около тридцати, хотя он в дороге и отрастил бородку. Военный костюм его был необычайно грязен, брюки потертые, голенища в дырах. Сбоку висела сабля, у пояса – револьвер... Вьюк его был пуст, болтался только дорожный брезентовый мешок, в одном углу которого виднелся какой-то маленький сверток. Русский офицер, скачущий через всю Монголию, не имеющий при себе ни постели, ни запасной одежды, ни продовольствия, производил необычное впечатление. Действительно, не успели мы еще отъехать от города, как мой спутник начал пороть нашего улачи (почтовый курьер, выполнявший функции проводника. – *Б.С.*), чтобы тот быстрее скакал. Улачи припустил коней, и мы лихо понеслись по Улясутайской долине к монастырю Эбугун-гур, невдалеке от которого находилась первая станция Алдар. 15 станций (450 верст), расположенных между Улясутаем и Кобдо, мы миновали за неполных три дня. Унгерн оказался неутомимым наездником. Хотя он был очень молчалив, мы все-таки разговорились. Он рассказывал, что не терпит мирной жизни, в его жилах течет, мол, кровь прибалтийских рыцарей, ему нужны подвиги. На востоке же была глубокая тишина, офицерство задыхалось от скуки. Сообщил он и об одном из своих «подвигов». На пари он

должен был перевалить какой-то хребет, пройти по тайге без дороги и проводника, проехать на одной лошади верст 400, имея при себе только винтовку, питаясь плодами охоты, и, наконец, переплыть на коне большую реку. Все это он выполнил в срок и пари выиграл (речь, несомненно, идет о знаменитом конном пробеге Унгерна от Даурии до Благовещенска. – *Б.С.*). Но такие «подвиги» его мало удовлетворяли, он жаждал настоящих. И вот он прочитал в газетах, что в Кобдо война, и теперь он скачет туда добровольцем, для чего ему пришлось выйти в отставку.

По дороге он все время расспрашивал меня о Дамби-Джамцане (Джа-ламе. – *Б.С.*) и характере войны с китайцами, соображая, как бы ему поскорее попасть в Гурбо-Цэнхэр, чтобы громить китайцев совместно с Дамби-Джамцаном.

Унгерна занимал процесс войны, а не идейная борьба во имя тех или других принципов. Главное для него – это воевать, а с кем и как – неважно. Он повторил, что 18 поколений его предков погибли в боях, на его долю должен выпасть тот же удел.

Готовясь к службе в монгольских отрядах, он добросовестно записывал монгольские слова, пытаясь учиться говорить.

Мы все время скакали на весь дух, почти на каждой станции он дрался с улачами, и мне было стыдно перед монголами, что у нас такие невоспитанные офицеры, и я мысленно ругал консула, подсунувшего мне такого спутника. Сказать же что-нибудь этому сумасбродному человеку было просто опасно.

Особенно запомнилась мне ночная поездка от Джаргаланта до Хаара-Ус-нур. По настоянию Унгерна мы выехали ночью. Сумасшедший барон в потемках пытался скакать карьером. Когда мы были в долине недалеко от озера Хаара-Ус-нур, стало очень темно, и мы вскоре потеряли тропу. К тому же дорога проходила по болоту вблизи прибрежных камышей. Улачи остановился и отказался ехать дальше. Сколько ни бил его Унгерн, тот, укрыв голову, лежал без движения. Тогда Унгерн, спешившись, пошел вперед, скомандовав нам ехать за ним. С удивительной ловкостью отыскивая в кочках наиболее удобные места, он вел нас, кажется, около часу, часто попадая в воду выше колена и, в конце концов, вывел из болота, но тропку нам найти так и не удалось.

Унгерн долго стоял и втягивал в себя воздух, желая по запаху дыма определить присутствие жилья, наконец, сказал, что станция близко, и мы поехали за ним. Действительно, через некоторое время вдали послышался вой собак. Эта необычайная настойчивость, жестокость, инстинктивное чутье меня поразили.

Рано утром на следующий день мы прискакали в Кобдо. Унгерн заехал к своему другу, казачьему офицеру Резухину (можно предположить, что они служили вместе еще в 1-м Аргунском полку. – *Б.С.*), и на следующий день я встретил его в чистом обмундировании. Очевидно, он взял его у друзей, чтобы отправиться в нем к консулу и начальнику отряда.

Консул Люба и начальник русского отряда в Кобдо полковник Казаков отнеслись к добровольческой затее Унгерна отрицательно и не пустили его на службу к монголам, так что ему пришлось вернуться в Россию».

Тут следует учесть, что Бурдуков, на свою беду вернувшийся из Монголии в Советскую Россию (в 1937 году он был репрессирован и погиб), писал свои мемуары в конце 20-х годов в Ленинграде, уже после гибели Унгерна, и, возможно, вольно или невольно сгустил краски в портрете барона, зная о терроре, который он проводил в Урге. Однако барон вполне мог уже в 1913 году избивать монгольских проводников. Вполне возможно, что тогда же барон излагал своему случайному попутчику собственную «философию войны». Но вот насчет того, что Унгерн собирался поступить в шайку Джа-ламы Бурдуков, вероятнее всего придумал, в духе закрепленного на следствии и суде тезисе об Унгерне как беспринципном «кондотьере». Не мог же Роман Федорович одновременно служить в казачьем дивизионе и у Джа-ламы, поскольку

именно этот дивизион в феврале 1914 года и арестовал знаменитого разбойника, основательно доставшего не только китайцев, но и русских, и монголов.

А вот свидетельство о пребывании Унгерна в Западной Монголии, приведенное бывшим министром Омского правительства И. И. Серебренниковым: «Один из русских жителей Кобдо того времени рассказывал моему другу, что Унгерн держался там как-то «на особицу», ни с кем не заводил близкого знакомства и пребывал почти всегда в одиночестве. Иногда он вдруг, ни с того ни с сего, в иную пору и ночью, собирал казаков и с гиканьем мчался с ними через весь город куда-то в степь.

– Волков гонять, что ли, ездил? Толком не поймешь. А потом вернется, запрется у себя и сидит один, как сыч. Но, сохрани Боже, не пил, всегда был трезвый. В нем что-то будто не хватало...»

Так или иначе, но за несколько месяцев своего первого пребывания в Монголии Унгерн почерпнул общее представление о жизни и обычаях монголов, об основах ламаизма, выучил в минимальном объеме монгольский разговорный язык. Но вряд ли можно говорить, что к моменту начала Первой мировой войны, прервавшей его монгольскую командировку, он уже стал настоящим специалистом по Монголии и хорошо узнал монгольский народ.

Унгерн в Первой Мировой войне: Герой и забияка

19 июля 1914 года Унгерн вновь по мобилизации был призван на военную службу. Кузен Унгерна Фридрих погиб под Сольдау в Восточной Пруссии в самом начале войны. Сам же он, поступив на службу в 34-й Донской казачий полк, осенью 1914 года на подступах к Восточной Пруссии совершил подвиг, за который был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени.

Обстоятельства награждения Унгерна орденом св. Георгия 4-й степени проясняются из рапортов, сохранившихся в его наградном деле. В рапорте командира 1-й батареи 27-й артиллерийской бригады, датированном 10 октября 1914 года, говорилось: «22-го сентября вверенная мне батарея занимала позицию в версте к западу от деревни Шапкино. Был ли занят фольверк Подборок нами или неприятелем, точно известно не было; даже, благодаря частным приказаниям, я обстреливал иногда фольверк гранатами. Около 4 часов дня я получил записку через казака от сотника барона Унгерн-Штернберга с просьбой не стрелять по ф. Подборок, т. к. он там давно уже находится и наблюдает за немцами. Кроме того, он очень точно указал расположение тяжелой немецкой батареи, куда я тотчас и направил огонь. Через несколько времени ко мне прискакал сам сотник и привез мне подробнейшие кроки (сделанная на пописной бумаге копия топографической карты. – *Б.С.*) расположения немцев и их артиллерии, что дало мне возможность точно направить огонь. Сотник тотчас же поехал обратно, и с ним я отправил двух своих разведчиков, при помощи которых сотник поддерживал со мной непрерывную связь и прекрасно корректировал стрельбу батареи, результатом чего два тяжелых орудия немцев были подбиты и огонь тяжелой артиллерии прекратился. В течение этого времени наблюдательный пункт сотника барона Унгерн-Штернберга в ф. Подборок находился все время под сильным ружейным и артиллерийским огнем неприятеля и расположен был впереди наших цепей, всего в шагах 400 от окопов неприятеля. В десятом часу вечера сотник вновь приехал ко мне и сообщил, что ф. Подборок свободен от неприятеля и что немцы увозят свои орудия; что вполне и подтвердилось, т. к. на другой же день утром наша пехота заняла ф. Подборок».

Начальник 27-й дивизии составил подробное представление на барона: «22 сентября во время наступления дивизии от д. Мацькобудзе на фронте Пурвинишки – Машлины, сотник барон Унгерн-Штернберг был назначен со взводом казаков для охраны правого фланга дивизии в направлении от Кумец I на деревню Обелупе (приказ по дивизии № 935).

Уже в 10 час. 50 мин. утра от него было получено донесение № 17 от 10 час. утра: «1) окопы противника у д. Мисвеце; 2) д. Обелупе противником не занята».

К этому времени дивизия уже заняла фронт д. Ланкеличи (106 пех. Уфимский полк) – д. Шапкино (107 пех. Троицкий полк)».

Получив донесение сотника барона Унгерн-Штернберга, я изменил направление движения 106 пех. Уфимского полка, приказав ему наступать на фронт д. Кавкокальне и северный край озер, что западнее ф. Юзефово (записка полковнику Отрыганьеву № 942).

В 12 час. 30 мин. дня от сотника барона Унгерн-Штернберга получено новое донесение № 18: «1) противник занимает ф. Юзефово, а также высоты между этим фольварком и д. Мисвеце; 2) левый фланг 25 пех. дивизии прошел д. Обелупе, наступая на фронт Мисвеце – ф. Кавкокальне.

Это донесение сотника барона Унгерн-Штернберга подтверждалось и запиской № 114а полковника Отрыганьева.

Наступление дивизии продолжалось: 106 пех. Уфимский полк на фронте Мисвеце – ф. Юзефово; 107 пех. Троицкий полк на Подборский лес; 105 пех. Оренбургский полк – южнее 107 пех. Троицкого полка.

В 2 часа дня получено донесение от сотника барона Унгерн-Штернберга № 19: «Немецкая пехота отошла от ф. Юзефово на бугры западнее этого фольварка».

К этому времени части дивизии под артиллерийским огнем противника достигли линии д. Мисвеце – ф. Юзефово – Вельха и южнее. Причем 1-й батальон 107-го пех. Троицкого полка, наступавший против Подборок – леса, не мог дальше продвинуться, так как южная опушка этого леса была занята пехотой противника и пулеметами (донесение по телефону капитана Охотницкого), а потому по лесу был открыт огонь нашей артиллерии.

Между тем сотник барон Унгерн-Штернберг, считая свою задачу по обеспечению правого фланга дивизии выполненной, ввиду того что этот фланг вошел в тесную связь с левофланговыми частями 25 пех. дивизии, решил продвинуться вперед с целью выяснить расположение пехоты и артиллерии противника. От ф. Юзефово он направился севернее озер у д. Куме II и, пользуясь складками местности, пробрался в ф. Подборок, находящийся на северо-восточной опушке леса. Заметив в лесу наших разведчиков, немцы открыли по ним артиллерийский огонь.

В 4 часа дня от сотника барона Унгерн-Штернберга было получено донесение, что у деревни Мажуце стоят 4 орудия немцев и что он просит не стрелять по ф. Подборок, так как он там находится.

Это донесение сотника барона Унгерн-Штернберга показывало на то, что южная опушка леса занята слабыми частями противника, а потому 107 пех. Троицкому полку было приказано занять лес.

Находясь в ф. Подборок в 400–500 шагах от окопов противника под действительным ружейным и шрапнельным огнем, сотник барон Унгерн-Штернберг вместе с присоединившимися к нему разведчиками 1-й батареи 27-й артиллерийской бригады направлял огонь нашей артиллерии, благодаря чему 1-я батарея подбила два тяжелых орудия немцев.

Итак, во время наступления дивизии 22 сентября от д. Мацькобудзе на Мажуце сотник барон Унгерн-Штернберг, находясь вначале на правом фланге дивизии, а затем в ф. Подборок, в то время как южная опушка леса у этого фольварка была занята противником, все время давал верные и точные сведения о месте, положении и передвижении противника, вследствие чего 106 пех. Уфимскому полку было дано верное направление, а 107 пех. Троицким полком занят важный тактический пункт – Подборский лес (чтобы выбить нас из леса, немцы произвели ряд безуспешных атак 24 и 25 сентября).

Кроме того, находясь в ф. Подборок, сотник барон Унгерн-Штернберг своими указаниями много содействовал успеху нашего артиллерийского огня. Ввиду вышеизложенного, руководствуясь ст. 8 пн. 18, ходатайствую о награждении сотника барона Унгерн-Штернберга орденом Св. Георгия 4-й степени».

27 декабря 1914 года Думы ордена Святого Георгия 10-й армии «признала достойным награждения орденом Святого Георгия 4-й степени прикомандированного к 34-му Донскому полку сотника барона Романа Унгерн-Штернберга за то, что во время боя 22 сентября 1914 года, находясь у ф. Подборок в 400–500 шагах от окопов противника, под действительным ружейным и артиллерийским огнем, дав точные и верные сведения о местонахождении неприятеля и его передвижениях, вследствие чего были приняты меры, повлекшие за собой успех последующих действий».

Высочайший приказ о награждении Унгерна орденом Св. Георгия 4-й степени последовал 25 апреля 1915 года.

Замечу, что подвиг барона вполне соответствовал положению о награждении этой высокой наградой, самой почетной среди офицеров российской императорской армии. Пункт 18 статьи 8 статута ордена Св. Георгия гласил: «достоинны награждения орденом Св. Георгия... кто, при обстоятельствах исключительной трудности и такой же опасности, отважною разведкою до боя или во время боя в расположении или в тылу войск неприятеля, доставит верные

сведения о силе, местности, положении и передвижениях значительных сил противника, на основании которых были приняты меры, повлекшие успех последующих действий».

По всей вероятности, чтобы «обстоятельства исключительной трудности и такой же опасности» не вызывали сомнений, в представление командира дивизии попали некоторые поэтические детали, вряд ли соответствующие истинным обстоятельствам дела. Так, например, сомнительно, чтобы Унгерн и его казаки в фольварке Подборки находились «под действительным ружейным огнем неприятелем». Ведь на дистанции в 500 шагов вряд ли возможна была прицельная стрельба. Да и насчет того, что немецкая артиллерия преднамеренно обстреливала отряд Унгерна, есть большие сомнения. Если бы немцы действительно обнаружили, что барон с казаками находится на таком удобном наблюдательном пункте, как фольварк Подборки, им ничего не стоило бы поджечь фольварк, чтобы выкурить оттуда русских. Да и если бы Унгерн и его люди несколько часов находились под прицельным ружейным и артиллерийским обстрелом, наверняка кто-нибудь из них был бы если не убит, то ранен. Но этого, к счастью, если судить по представлению начдива-27, не произошло.

Скорее всего, немцы так и не обнаружили Унгерна на фольварке и вели по фольварку лишь беспокоящий, предупредительный огонь. Такой же огонь вела и русская 1-я батарея 27-й артбригады, пока Унгерн не предупредил русских артиллеристов, что он находится на фольварке и что надо прекратить огонь.

Тем не менее не вызывает сомнений, что Унгерн действовал умело и мужественно, и Георгиевский крест получил по праву. Но что характерно, в этом бою непосредственного соприкосновения с противником он не имел и действовал прежде всего как умелый корректировщик артиллерийского огня.

В дальнейшем в легендах, созданных вокруг имени даурского барона, этот подвиг был невероятно раздут. В одном из апологетических некрологов об Унгерне, появившемся в 1922 году в пражской «Русской мысли», утверждалось: «В течение Мировой войны – легендарный герой Юго-Западного фронта; всякий офицер, приезжавший оттуда, рассказывал о его невероятных по безумной храбрости, подвигах: он неделями пропадал в тылу у противника, корректировал стрельбу русской артиллерии, сидя на дереве над вражескими окопами, и т. д., и т. д.; шутили, что полковой командир, слышав его голос, прятался под стол, зная заранее, что он опять предложит какой-нибудь сумасшедший план, и не представляя, как от него отделаться. У Романа было несколько солдатских и офицерских Георгиев и георгиевское оружие».

На самом же деле, как мы убедились, Унгерн получил только один офицерский Георгиевский крест – 4-й степени, и ни георгиевского оружия, ни солдатских «георгиев» не имел. Получить следующий офицерский «георгий» – 3-й степени барону было весьма затруднительно: обычно этой степенью ордена награждались офицеры и генералы, занимавшие должность не ниже командира полка. Унгерн же выше командира сотни не поднялся, в первую очередь из-за пьянства и скверного характера. Его полковые командиры, вроде барона П. Н. Врангеля, под стол, разумеется, при появлении Унгерна не прятались, а головы ломать им приходилось только над тем, что еще может учудить Роман Федорович в пьяном виде.

Весьма любопытно, что почти такой же подвиг, как будущий начальник Азиатской дивизии, совершил еще один представитель рода Унгерн-Штернбергов – Константин Федорович. По утверждению полковника М. Г. Торновского, он был родным братом Романа Федоровича, а после революции эмигрировал из России. В момент совершения подвига, в октябре 1915 года, Константин Федорович был прапорщиком, а ко времени получения Георгиевского оружия 2 января 1917 года был штабс-капитаном 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Описание подвига барона Константина Унгерн-Штернберга гласит: «В боях 25–26 октября под м. Кеккау, находясь в качестве передового артиллерийского наблюдателя в передовых стрелковых окопах 11-го Сибирского стрелкового полка, сначала у д. Ручка, осыпаемой действительным ружейным и артиллерийским огнем противника, а затем у д. Стабин-Бунде в 600 шагах

от противника, развившего по названной деревне ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, совершенно открыто и с полным презрением к смертельной опасности корректировал огонь 3-й батареи, что в значительной степени способствовало точности ее стрельбы, благодаря чему 11-й полк прорвал линию проволочных заграждений и занял первую линию окопов».

Забавно, что описания подвигов двух братьев Унгерн-Штернбергов совпадают как две капли воды, если опустить некоторые конкретные детали, вроде номеров полков и названия населенных пунктов. Только одному за него дали полноценный орден Св. Георгия 4-й степени, а другому ниже – Георгиевское оружие. Так что подвиг Романа Федоровича нельзя назвать особо выдающимся. Он был из разряда своего рода «пограничных»: если повезет больше, представят к Георгию 4-й степени, если повезет меньше, получишь только шашку с георгиевским темляком.

Кстати сказать, вполне возможно, что именно награждение Константина Федоровича Унгерна Георгиевским оружием породило впоследствии ложный слух о том, что такого оружия удостоился также и его брат – герой нашей книги.

И в дальнейшем в ходе Первой мировой войны Унгерн никогда не командовал силами больше казачьей сотни в условиях реального боя. Да и в первые годы Гражданской войны Азиатская дивизия боролась только с партизанами Лазо, когда в одном бою редко когда участвовали больше одной-двух казачьих сотен. В сущности, впервые командовать в бою целой дивизией (а по численности – скорее конным полком) Унгерну довелось только осенью 1920 года при штурме Урги. Боевого опыта в руководстве сколько-нибудь крупными массами войск у барона было явно маловато. И, как знать, не является ли заслуга взятия Урги и последующих куда более скромных успехов в борьбе с советскими войсками делом его начальника штаба и поступивших на службу в Азиатскую дивизию после занятия ею монгольской столицы более опытных колчаковских офицеров?

После 34-го Донского полка Унгерн перешел в 1-й Нерчинский полк, к которому был прикомандирован 5 декабря 1914 года. Вскоре он был ранен в бою против немцев у деревни Залесье. Следующий раз он был ранен 15 февраля 1915 года при объезде позиции у деревни Унержиж. 9 июля 1915 года Унгерн был еще раз ранен в бою у корчмы Янинг (в то время немецкие войска уже наступали), но остался в строю. 6 сентября 1915 года он был назначен командиром 5-й сотни 1-го Нерченского полка. До этого барон штатной должности не имел, а использовался в качестве командира группы для разведывательных поисков и для корректировки артиллерийского огня. Но покомандовать сотней на этот раз ему пришлось недолго. Уже 24 сентября 1915 года он был ранен в бою у фольварка Столоповщина, а 27 сентября был откомандирован в отряд особой важности Северного фронта, предназначенный для партизанских действий в тылу противника. Отряд первоначально действовал в районе Риги.

Партизанские будни Унгерна запечатлены в мемуарах служившего вместе с ним казачьего офицера, поручика 8-го Финляндского стрелкового полка, георгиевского кавалера Л. Н. Пунина, погибшего в октябре 1916 года (он, кстати сказать, был младшим братом третьего мужа Анны Андреевны Ахматовой искусствоведа Николая Николаевича Пунина): «Унгерн-Штернберг, приказав спешиться у лестничества Антен, двинул эскадрон в направлении на мызы Блендек и Катлан. Дойдя до окопов противника, партизаны накинулись на работавших там немцев. Часовой, заметивший разведчиков, был убит...

Германцы открыли огонь из своих окопов. Унгерн-Штернберг, рискуя каждую секунду быть раненым или убитым, сделал чертеж окопов неприятеля и со своим эскадроном начал отходить к лесу. Пройдя болото Заляйс-Пурс и приближаясь к холмам, он был встречен ружейными залпами из германской засады, вышедшей в тыл эскадрону. Сотник, как истинный вояка, не растерялся и бросился в атаку в классическом унгерновском стиле – сломя голову. За ним последовали партизаны эскадрона». В дневнике его брата Льва Николаевича Пунина за январь – февраль 1916 года отмечены этот и другие подвиги Унгерна: «24 января. Разведка крайне

успешна... 3-му эскадрону досталось особенно. Ему при возвращении домой (в город Кемерн, ныне – Кемери. – *Б.С.*) пришлось выдержать бой с засадой немцев на бугре между болотом Заляйс-Пурс и нашими окопами. Немцев было около роты при двух офицерах. Они, не подпустивши наших казаков ближе к себе, дали залп. Минута оцепенения. Георгиевский кавалер, командир эскадрона сотник барон Унгерн-Штернберг с обнаженной шашкой бросился на «ура». С гиком и воем, с шашками наголо понеслись уссурийцы, нерчинцы и приморцы на втрое сильного противника. Немцы такого не выдержали и бежали, оставив убитых ... В февральских боях отряда принимал активное участие сотник барон Унгерн-Штернберг – один из наиболее лихих, храбрых офицеров отряда Пунина. Вояка до мозга костей, он, по словам барона Врангеля, жил войной, столь же быстрые, сколь и дерзкие набеги в тыл германцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.